

Восход. Взлет. Падение. Возрождение

В 1967—1968 гг. энтузиасты РКИ (правда, такого обозначения тогда еще не было) мечтали о своем журнале, в котором они — преподаватели, методисты, языковеды «Русского Как Иностранного» — обсуждали бы проблемы этой бурно развивавшейся специальности. При хождении по инстанциям они ссылались на опыт *Le français dans le monde* (кстати, отсюда пошло и название «Русский язык за рубежом») в успешном укоренении французского языка в мире. Для эффективного обучения русскому языку и приобщения изучающих его к русской культуре были необходимы постоянный обмен находками лучших учителей, повышение их мастерства, профессиональное обсуждение методов и учебников, оперативная корпоративная информация.

Пороги обивались не зря: высочайшее разрешение было получено, конечно, не столько от настойчивого красноречия энтузиастов, сколько от общественного осознания важности распространения русского языка в мире для российской государственности. Дело одобрялось партийными органами, связывавшими его, естественно, с идеологической установкой на политическую пропаганду советского образа жизни. Энтузиасты вдохновлялись пониманием и бескорыстной помощью ближайших коллег Е.Г. Баш, А.А. Брагиной, Е.А. Брызгуновой,

А.Н. Васильевой, М.Н. Вятютнева, Т.М. Дорофеевой, Е.И. Мотиной, Г.И. Рожковой, Е.М. Степановой, а также О.С. Ахмановой, С.Г. Бархударова, И.Ф. Протченко, Д.Э. Розенталя, Н.М. Шанского, вошедших в редакцию, В.В. Виноградова, Д.С. Лихачева, А.А. Реформатского, Н.Ю. Шведовой и многих других авторитетнейших людей.

В сущности, все, к кому мы обращались еще в дни начальных мытарств, сердечно поддерживали наше предприятие. Мы получили приветствия от выдающихся деятелей культуры: британского писателя Чарльза Сноу, Корнея Чуковского, Виктора Шкловского; Галина Уланова написала: «Русский язык пластичен, как танец, свободен, как песня, богат и музыкален. Приветствую журнал, задача которого ответственна и почетна: знакомить представителей разных народов с великой сокровищницей русского языка».

Задумки были куда больше возможностей и компетенции энтузиастов, среди которых особым пылом отличались А.А. Леонтьев, Л.А. Новиков и автор этих воспоминаний. Первый умело привлекал к журналу внимание, второй все редактировал и был возвышен до «и. о. главного редактора», а я все печатал дома на старой скрипучей печатной машинке. Рекламную брошюру мы писали вместе, а в первый номер каждый сам написал и «организовал» минимум три-четыре материала. Мы хотели, чтобы журнал стал настольной книгой преподавателя-русиста, нуждающегося при обучении иностранцев в практических учебных материалах и в теоретическом осмыслении языковых фактов, а также педагогических методов их эффективного преподнесения. Мы хотели, чтобы журнал был информативным, знакомил с новинками культуры, литературы и с событиями в жизни профессии.

В памяти первая реакция фирмы «Мелодия», когда мы настойчиво доказывали необходимость звукового приложения, ибо

как иначе зарубежному, нерусскому по происхождению учителю учить школьников правильному русскому произношению? В СССР только один журнал сопровождался пластинкой — пропагандистский культурно-песенный «Кругозор», и наше требование вызвало недоумение, а то и смех: до сих пор, дескать, учили без всяких пластинок. Были, однако, разумные люди, которых не обидело наше наглое возражение: от того-то мало кто у нас и знает толком иностранный язык. Шутка же противников: «Вы чего доброго еще и цветные вклейки, а там, глядишь, и диапозитивы прикладывать захотите», — не только вызвала наш отпор: «А как без цвета знакомить учащихся с русскими названиями цвета?» — но и породила новые замыслы.

Эти замыслы реализовались в цветных вклейках с 1974 г., а затем и в многоцветной печати журнала в целом; в 70—80-е гг. ко многим номерам прилагались слайды и иные учебные «раздаточные материалы». Пластинку же сделали уже к первому номеру, вышедшему в начале 1967 г., увы, шеллачно-эбонитовую, которая ломалась при почтовой пересылке. Лишь со второго номера за 1968 г. удалось добиться гибкой виниловой пластинки, которая перестала прилагаться к журналу лишь с первого номера за 1991 г. Утрата была не так уж огорчительна на фоне других куда более тяжких бед этого времени, постигших журнал и всю страну, тем более что в отличие от 70-х гг. Россия вступала уже в компьютерную эпоху повсеместного распространения аудио- и видеозаписей.

Уже первый номер журнала имел успех, а вскоре стараниями ректората и издательства МГУ им. М.В. Ломоносова организовалась подписка, в том числе и за рубежом. С третьего номера за 1971 г. журнал обрел международный статус как орган МАПРЯЛ, появился международный редакционный совет. С 1975 г. стало ежегодно выпускаться не четыре, а шесть номеров. С 1976 г. журнал издавался только что созданным спе-

циализированным издательством «Русский язык». Тираж неуклонно рос: если первый номер был отпечатан в количестве 8000 экземпляров, то, например, шестой за 1986 г. в количестве 43 070 экземпляров.

Русисты, особенно зарубежные, привыкли постоянно получать из журнала практические материалы для занятий, аутентичные по содержанию и языку, а с учетом пластинки и по произношению. Многие удачные учебники апробировались на его страницах. Он стал признанной трибуной обмена опытом, рупором новых идей и ареной их обсуждения. Именно в нем формировались теория и практика учебной лексикографии, методический принцип активной коммуникативности, лингвострановедение, ставшее сегодня (пусть и под иными наименованиями) неотъемлемым

Сокращение «РЯЗР» воистину приобрело мировую известность, публикации в нем стали предметом гордости сотен авторов из десятков стран.

аспектом преподавания языка. В нем оформились мнения о национальных вариантах, типизации, комплексности и других положениях теории учебника, роли технических средств, наглядности, компьютерной поддержки процесса обучения. Одним словом, сокращение «РЯЗР» воистину приобрело мировую известность, публикации в нем стали предметом гордости сотен авторов из десятков стран. Большая заслуга в славе журнала принадлежит его редколлегии, состав которой, разумеется, менялся, но всегда состоял из достойных и любящих свое дело людей, и прежде всех многолетнему главному редактору — чудесной Анне Владимировне Абрамович.

Тем печальнее говорить о кризисе любимого издания в последнее десятилетие прошлого века, о резком падении тиража (до 980 экземпляров № 3/4 в 2000 г.), о чехарде выпускающих издательств, о падении полиграфического уровня. Журнал не смог сохра-

нить регулярность выхода номеров, подписчики получали (если получали!) отдельные номера с недопустимым опозданием, вынужденно выпускались сдвоенные номера. Было трудно не впасть в отчаянье, когда на глазах терялись подписчики, разбегались даже самые преданные авторы. Журнал умирал.

Но, видимо, с самого начала в журнал была заложена живучесть, которая 40 лет тому назад сподвигла энтузиастов на его создание. Непотопляемость эта от причастности к великому русскому языку, от служения великой русской истории и культуре. Перелом наступил в 2004 г. Сегодня уже неоспоримо,

что «Русский язык за рубежом» возродился еще более красивым и содержательным, сохраняющим прежние достоинства и вполне соответствующим новой современности. Не верится, что прошло 40 лет, не верится, что «РЯЗР» был на грани гибели, если взять в руки и полистать этот его номер. Двухсотый!

Не верится, что прошло 40 лет...

В.Г. Костомаров

inbox@pushkin.edu.ru

д-р филол. наук, профессор, академик РАО,
президент Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина